

Трагик поневоле — эпизод 2 из 2

Из магазина в аптеку, из аптеки к модистке, от модистки в колбасную, а там опять в аптеку. Тут спотыкнешься, там деньги потеряешь, в третьем месте заплатить забудешь и за тобою гонятся со скандалом, в четвертом месте даме на шлейф наступишь... тьфу! От такого моциона осатанеешь и так тебя разломает, что потом всю ночь кости трещат и крокодилы снятся. Ну-с, поручения исполнены, все куплено, теперь как прикажешь упаковать всю эту музыку? Как ты, например, уложишь вместе тяжелую медную ступку и толкач с ламповым шаром или карболку с чаем? Как ты скомбинируешь воедино пивные бутылки и этот велосипед? Египетская работа, задача для ума, ребус! Как там ни ломай голову, как ни хитри, а в конце концов все-таки что-нибудь расколотишь и рассыплешь, а на вокзале и в вагоне будешь стоять, растопыривши руки, раскорячившись и поддерживая подбородком какой-нибудь узел, весь в кулках, в картонках и в прочей дряни. А тронется поезд, публика начнет швырять во все стороны твой багаж: своими вещами ты чужие места занял. Кричат, зовут кондуктора, грозят высадить, а я-то что поделаю? Стою и глазами только лупаю, как побитый осел. Теперь слушай дальше. Приезжаю я к себе на дачу. Тут бы выпить хорошенько от трудов праведных, поест да храповицкого не правда ли? но не тут-то было. Моя супружница уж давно стережет. Едва ты похлебал супу, как она цап-царап раба божьего и не угодно ли вам пожаловать куда-нибудь на любительский спектакль или танцевальный круг? Протестовать не могли. Ты муж, а слово муж в переводе на дачный язык значит бессловесное животное, на котором можно ездить и возить клади сколько угодно, не боясь вмешательства общества покровительства животных. Идешь и таращишь глаза на Скандал в благородном семействе или на какую-нибудь Мотю, аплодируешь по приказанию супруги и чахнешь, чахнешь, чахнешь и каждую минуту ждешь, что вот-вот тебя хватит кондратий. А на кругу гляди на танцы и подыскивай для супруги кавалеров, а если недостает кавалера, то и сам изволь танцевать кадрили. Танцуешь с какой-нибудь Кривулей Ивановной, улыбаешься по-дурацки, а сам думаешь: доколе, о господи? Вернешься после полуночи из театра или с бала, а уж ты не человек, а дохлятина, хоть брось. Но вот наконец ты достиг цели: разоблачился и лег в постель. Отлично, закрывай глаза и спи... Все так хорошо, поэтично: и тепло, понимаешь ли, и ребята за стеной не визжат, и супруги нет, и совесть чиста лучше и не надо. Засыпаешь ты и вдруг... и вдруг слышишь: дзз!.. Комары! (Вскакивает.) Комары, будь они трижды, анафемы, прокляты, комары! (Потрясает кулаками.) Комары! Это

казнь египетская, инквизиция! Дзз!.. Дзююкает этак жалобно, печально, точно прощения просит, но так тебя, подлец, укусит, что потом целый час чешешься. Ты и куришь, и бьешь их, и с головой укрываешься нет спасения! В конце концов плюнешь и отдашь себя на растерзание: жрите, проклятые! Не успеешь привыкнуть к комарам, как новая казнь египетская: в зале супруга начинает со своими тенорами романсы разучивать. Днем спят, а по ночам к любительским концертам готовятся. О, боже мой! Тенора это такое мучение, что никакие комары не сравнятся. (Поет.) Не говори, что молодость сгубила... Я вновь пред тобою стою очарован... О, по-одлые! Всю душу мою вытянули! Чтоб их хоть немножко заглушить, я на такой фокус пускаюсь: стучу себе пальцем по виску около уха. Этак стучу часов до четырех, пока не разойдутся. Ох, дай-ка, брат, еще воды... Не могу... Ну-с, этак, не поспавши, встанешь в шесть часов и марш на станцию к поезду. Бежишь, боишься опоздать, а тут грязь, туман, холод, брр! А приедешь в город, заводи шарманку сначала. Так-то, брат. Жизнь, доложу я тебе, преподлая, и врагу такой жизни не пожелаю. Понимаешь заболел! Одышка, изжога, вечно чего-то боюсь, желудок не варит, в глазах мутно... Веришь ли, психопатом стал... (Оглядывается.) Только это между нами... Хочу сходить к Чечотту или к Мержеевскому. Находит на меня, братец, какая-то чертовщина. Этак в минуты досады и обалдения, когда комары кусают или тенора поют, вдруг в глазах помутится, вдруг вскочишь, бегаешь, как угорелый, по всему дому и кричишь: Крови жажду! Крови! И в самом деле, в это время хочется кого-нибудь ножом пырнуть или по голове стулом трахнуть. Вот оно, до чего дачная жизнь доводит! И никто не жалеет, не сочувствует, а как будто это так и надо. Даже смеются. Но ведь пойми, я животное, я жить хочу! Тут не водевиль, а трагедия! Послушай, если не даешь револьвера, то хоть посочувствуй! Мурашкин. Я сочувствую.

Толкачов. Вижу, как вы сочувствуете... Прощай. Поеду за кильками, за колбасой... зубного порошку еще надо, а потом на вокзал.

Мурашкин. Ты где на даче живешь?

Толкачов. На Дохлой речке.

Мурашкин (радостно). Неужели? Послушай, ты не знаешь ли там дачницу Ольгу Павловну Финберг?

Толкачов. Знаю. Знаком даже.

Мурашкин. Да что ты? Ведь вот какой случай! Как это кстати, как это мило с твоей стороны...

Толкачов. Что такое?

Мурашкин. Голубчик, милый, не можешь ли исполнить одну маленькую просьбу? Будь другом! Ну, дай честное слово, что исполнишь!

Толкачов. Что такое?

Мурашкин. Не в службу, а в дружбу! Умоляю, голубчик. Во-первых, поклонись Ольге Павловне и скажи, что я жив и здоров, целую ей ручку. Во-вторых, свези ей одну вещичку. Она поручила мне купить для нее ручную швейную машину, а доставить ей некому... Свези, милый! И, кстати, заодно вот эту клетку с канарейкой... только осторожней, а то дверца сломается... Что ты на меня так глядишь?

Толкачов. Швейная машинка... канарейка с клеткой... чижики, зяблики...

Мурашкин. Иван Иванович, да что с тобой? Отчего ты побагровел?

Толкачов (топая ногами). Давай сюда машинку! Где клетка? Садись сам верхом! Ешь человека! Терзай! Добивай его! (Сжимая кулаки.) Крови жажду! Крови! Крови!

Мурашкин. Ты с ума сошел!

Толкачов (наступая на него). Крови жажду! Крови!

Мурашкин (в ужасе). Он с ума сошел! (Кричит.) Петрушка! Марья! Где вы? Люди, спасите!

Толкачов (гоняясь за ним по комнате). Крови жажду! Крови!

Занавес